

Вячеслав Полунин был точен — пришел за минуту до назначенного времени. «Ну что, пошли?» — спросил он. «Пошли!» — отозвались мы. Немного побродив по гулким коридорам московского Дворца молодежи и не обнаружив ни одной открытой двери, мы вслед за Полуниным покорно уселись на холодный мраморный пол в центре фойе...

Постепенно на вечерний спектакль начали собираться зрители. «Ну все, — испугались мы. — Сейчас его разорвут на куски». Зря испугались: его не узнали. Руководителя ленинградского клоунского театра «Лицедеи», всеми любимого Асеня, не привыкли видеть без красного пластмассового носа и смешного желтого комбинезона. Перед нами же сидел серьезный, даже немного унылый человек. Клоун, не состряпавший ни разу.

— Итак, что же было вначале?

— Вначале была маленькая комнатка во Дворце Ленсовета, куда я пришел в 1968 году, приехав в Ленинград. Там уже сидели два парня и «гнули кости», то есть гимнастикой занимались, тренингом... И мы, раз комната уже есть, начали заниматься пантомимой. Нашли себе руководителя — одного, другого, третьего. Потом поняли, что нам вообще никто не нужен — мы и сами можем. За первые три года человека четыре собрались — они стали ядром «Лицедеев». Тринадцать лет мы провели в самостоятельности...

— Вы, наверное, с самой колыбели мечтали о театральном поприще?

— Да нет, если бы... В деревне, где я рос, спектакли мы видели лишь изредка, да и то по телевизору. Так что я в те годы понятия не имел, что такое театр. А вот пантомима — это мне нравилось...

— А эта-то привязанность откуда взялась? И почему именно пантомима?

— Мне всегда казалось, что жест, мимика, ритм движений гораздо точнее могут передать внутреннее состояние человека, нежели слово. Кроме того, мы родились в такое время, когда слова обесценились. И еще: активнее всего пантомима бывает именно в пору огульных запретов — она умудряется пролезать в те щели, куда слово протиснуться не может.

А откуда все взялось?... Ну, тут-то просто найти объяснение. Еще пацаном я увидел по телевизору Марселя Марсо и Чарли Чаплина, которые меня потрясли. Я тогда, помню, просто заболел чаплинскими фильмами. Даже ходить начал, как Чарли...

— И что, до сих пор так и ходите?

— В какой-то степени да... Гены-то общие скандинавские! Не у меня с Чаплином, разумеется, а у его Чарли и моего Асеня. Да, — усмехается, — от скромности я не умру... Но просто, понимаете, Чарли, в отличие от традиционных комедийных персонажей — Арлекина, Петрушки, — сумел соединить в себе трагедию человека и комедию его существования, поэзию, философию. А для меня это тоже очень важно — и бесконечно близко. Мы, «Лицедеи», не цепляемся за обязательный смех в зале... Правда, мы вообще ни за что не цепляемся. Лично мне всегда было интересно только то, что еще неизвестно. Актер, по-моему, — это эдакий страшный обжора, который не в состоянии жить, не поглощая всего, что есть вокруг. И у него обязательно должна быть своя фиксация. Спокойный человек не может быть актером!

— А вы, значит, люди беспокойные?

— Еще бы! Мы бьются, знаете, как любим! Вот в последнее время специально делаем спектакли, эпатирующие публику, ломающие ее представления о нас. Становимся жесткими, резкими, идем на пикировку. С таких спектаклей бывает, уходит до половины зрителей, но

МЫ — ЛЮДИ

Сов. культура — 1989 — 16 мая, С. 3

БЕСПОКОЙНЫЕ...

мы этого не боимся, потому что мы не хотим, чтобы они относились к нам так, как хотят относиться. Надо, чтобы люди приходили к нам, не зная, что их ждет, и свободно включались в нашу игру.

— Многие спектакли «Лицедеев» трудно назвать спектаклями в привычном смысле этого слова. Они полны импровизации... А как они создаются?

— Начинается все с того, что мы просто садимся в круг — поболтаем, пофантазируем час три, потом расходимся, — и каждый ищет свое. Через какое-то время вновь собираемся вместе — первый раз видим костюмы, слушаем музыку, пробуем, кто что придумал.

Наш театр не ставит написанных заранее пьес. В основе каждого нашего спектакля — сценарий, и никакого зафиксированного текста.

— Но ваши спектакли строятся и на высочайшей технике — их простота и легкость кажущиеся...

— Для возвращения к простоте и наивности, которых мы добиваемся от себя и от зрителей, необходимо пройти весь круг мастерства, чтобы потом от него отказаться. Ведь главное в нашем театре не демонстрация техники, а радость общения, ощущение того, что ты попал в хорошую компанию. Это и есть настоящее «лицедейское» состояние. Поэтому, когда мы работаем в нормальном ритме, без перегрузок, примерно половина каждого нашего спектакля — сиюминутная импровизация. От этого многие наши работы каждый раз идут по-разному — «Фонтан», например... Это когда мы кроваем спускаем на воду, в фонтан (простыня у нас вместо паруса), и отправляемся на ней в кругосветное путешествие с приключениями. В середине — девятый вал: публика, естественно, абсолютно мокрая — мы ее из девяти ведер обливаем. А потом зрители сами лезут к нам в фонтан, и мы все вместе спасаем наш парусник... Никогда не знаешь, как такой спектакль пойдет сегодня, что случится. И в этом его главная прелесть для нас.

А есть у нас вещи, которые вообще идут только один раз. Вот в прошлом году, например, здесь, перед Дворцом молодежи, мы делали спектакль. Пригнали ракетовозы от СС-20, сколотили две высоченные трибуны. На одну в звездно-полосатых трусах взгромоздился один, на другую — в красных — другой. Сперва они там «на высшем уровне» проблемы обсуждали, а потом слезли на землю и на фоне ракетовозов, скандала, как на коммунальной кухне, перебили две тысячи тарелок...

— Вы поклонник неожиданности, случая... Но начинали-то, кажется, с точных наук? Экономический факультет ЛГУ ведь тоже факт вашей биографии?

— Да так уже вышло... Кстати, потом мне это очень помогло чисто практически — в организации театра. Но, пожалуй, и творчески тоже. Я ведь еще в школе полюбил математику, сейчас очень увлекаюсь промышленной графикой, компьютерами. Для меня творчество — это импровизация, с одной стороны, и математика, с другой. И только единство этих двух начал дает на сцене внутреннюю свободу...

— А какое из начал — математическое или импровизационное — подсказало идею «Каравана мира» — международного фестиваля уличных театров?

— Думаю, что авантюрное... Смеетесь? А ведь именно так оно и было. Как-то во время

зарубежных гастролей мы разговорились в гостинице с одним парнем-голландцем, актером уличного театра, и всю ночь не давали спать бедным соседям — спорили, каким должен быть театр. А к утру нам практически одновременно пришла в голову мысль: а что если собрать вместе несколько уличных театров из разных стран мира и прожить вместе несколько месяцев, переезжая из города в город, из страны в страну, и давая во время остановок представления...

Сначала идея эта показалась безумной авантюрой. Но, как ни странно, постепенно она начала приобретать все более конкретные очертания: нашими спонсорами стали СТД СССР, «Союзтеатр», Всесоюзное общество «Знание», его еженедельник «Аргументы и факты», а также Минобороны СССР и «Автоэкспорт», выделившие нам машины. Пришлось приложить массу усилий, было много сложностей, но сейчас «Караван мира» стал наконец реальностью.

— И когда же начнется этот фестиваль? Кто примет в нем участие?

— Уже совсем скоро — 20 мая он стартует в Москве. К нам придут такие знаменитые уличные театры, как «Шусаку Дорму» (Нидерланды), «Кейс» (Англия), «Нуклео» (Италия), «Дивадио на провозку» (ЧССР) и многие другие. Среди наших трупп его участниками станут «Лицедеи» и оркестр «Поп-механика». В начале июня «Караван мира» переедет в Ленинград, а в конце месяца мы должны пересечь границу и двигаться через Польшу, Чехословакию, Западный Берлин, Данию, Швейцарию — во Францию в своеобразном «городе на колесах» — машина с домками-прицепами. У нас множество интересных задумок... Такого еще никогда не было!

— Тогда — ни пуха, ни пера...

Е. ОСПИННИКОВА,
А. ОСТРОВСКИЙ.

Фото И. Критского.